

УДК УДК 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/11/3

РУССКОЕ ПЛЕМЯ В АВСТРО-ВЕНГРИИ. ГАЛИЦИЯ. БУКОВИНА. ВЕНГРИЯ

А.Л. Погодин

Резюме

В своей книге «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г.», вышедшей в 1915 г., известный русский славист А.Л. Погодин уделяет одну главу русинам, населявшим Австро-Венгрию.

Он приводит сведения о численности русинов в Австро-Венгрии по результатам переписи 1910 г., рассказывает о «положении русского племени», политической жизни Галиции, Буковины и Венгрии, зарождении и развитии украинофильства.

Ученый считал, что «с завоеванием Галиции все национальные и партийные отношения русского населения в этой стране подверглись полному изменению». По его мнению, «крестьянская масса, которая склонялась к украинству, пользовавшемуся покровительством властей, может быстро перейти на сторону "москвофильства"» Украинская же интеллигенция с присоединением Галиции к России теряет всякую почву для обособленного развития «и, вероятно, найдет для себя и более выгодным, и более разумным примкнуть к общегосударственному языку и русской культуре».

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Галиция, Буковина, Венгрия, русины, Карпатская Русь.

THE RUSSIAN TRIBE IN AUSTRIA-HUNGARY. GALICIA. BUKOVINA. HUNGARY

A.L. Pogodin

Abstract

In his book "Slavic World. Political and Economic Position of the Slavic Peoples Before the War of 1914", published in 1915, Alexander Pogodin, a famous Russian Slavist, devotes one chapter to the Rusins who inhabited Austria-Hungary.

He gives information about the number of Rusins in Austria-Hungary according to the results of the 1910 census, describes the "status of the Russian tribe", the political life of Galicia, Bukovina and Hungary, the emergence and development of Ukrainophilia.

Pogodin believes that "with the conquest of Galicia, all the national and party

relations of the Russian population in this country changed completely". According to him, "the peasant masses that were inclined towards Ukrainophilia patronized by the authorities could quickly come to "Moscowphilia", while the Ukrainian intelligentsia, with the accession of Galicia to Russia, will lose grounds for a separate development "and will probably find it more beneficial and reasonable to adopt the national language and the Russian culture".

Keywords: Austria-Hungary, Galicia, Bukovina, Hungary, Rusins, Carpathian Rus.

Официальная австрийская перепись 1910 г. определяет число русинов в Галиции в 3 208 092 человек, в Буковине 505 101 и во всей Австрии, где русины – рабочие, прислуга, мелкие торговцы и т. д. – разбросаны во всех провинциях, в 3 518 854. По сравнению со статистикой 1900 г. это представляет абсолютное увеличение на 137 284 чел., но относительное уменьшение: именно в 1900 г. русины составляли 13,21 % в населении, в 1910 г. всего уже 12,58 %. Относительно национальных отношений в самой Галиции было уже сказано выше, и к этому вопросу я не стану здесь возвращаться: достаточно ограничиться замечанием, что поступательного движения русского племени в области польского поселения не видно, тогда как обратное явление замечается. В Буковине русины (1910) составляют 38,38 % в населении, за ними идут по численности румыны (273 254 чел., или 34,38 %), немцы (168 851 чел., или 21,24%), поляки (36 210, или 4,55 %, в действительности, вероятно несколько больше) и др. Объединение немцев и румын для общей политической деятельности дает им численное большинство, не говоря уже о культурном перевесе, чем и объясняется бесправное положение русинов в Буковине. Еще хуже их положение в Венгрии, о чем я буду говорить подробнее в конце этой главы. Зато в Галиции русины достигли большого политического явления и добились в недавнее время выгодного для себя соглашения с поляками. Правда, они еще не выработали внутреннего национального единства, и между двумя частями русского племени в Галиции, Буковине и отчасти Венгрии ведется борьба на почве национального сознания: в то время как одна часть русинов сознает свою принадлежность к отдельной русской народности, обособляя себя от русского народа, создавшего русское государство, как от великорусского и в силу этого настаивая на создании и сохранении иного литературного языка, другая часть русинов, напротив, видит в себе только малорусскую ветвь единого русского народа, отстаивает идею своего культурного единства с ним, борется за употребление русского литературного языка в письменности и общественно-правовой жизни Галиции

и т.п. Следует признать, что совокупность условий, образующих народ, имелась у тех галицийских русинов, которые называли себя украинцами, обособляя себя от русского народа. Эти условия следующие: национальное сознание себя как отдельного народа; иная вера, нежели у русского народа (униатская), иной литературный язык, иная государственность и, наконец, иная история. Галиция оторвалась от других земель, занятых русским (малорусским) народом, уже по первому разделу Польши. Буковина составляла турецкую провинцию, лишь при имп. Екатерине II присоединенную к Австрии. Поэтому галицкие украинцы могли быть признаны за отдельный народ, образовавшийся в течение XIX века в пределах Австрийской империи, но имевший в основе своей то же племенное начало, которое лежит в основе малороссов, представляющих часть единого в национальном, культурном и политическом отношении русского народа. Что касается русинов, признающих свою национальную связь с русским народом, то их нельзя, конечно, причислить к украинцам, а надо называть русскими, так же как немцами мы называем сильно обособившуюся ветвь немецкого народа в Семиградии, давно порвавших политическую и даже культурную связь с немцами Германии. Поэтому, может быть, правильнее всего было бы излагать отдельно историю украинского народа в Австро-Венгрии и отдельно же историю русского народа в пределах этого государства. Но, так как процесс дифференциации русского племени здесь еще не завершился и постоянно наблюдались переходы из одного национального лагеря в другой, то такое обособление внесло бы излишнюю сложность в изложение. Перед нами происходил один из интереснейших процессов нароодообразования, который совершался довольно бурно и, естественно, не обходился без эксцессов. Удалось ли бы украинцам украинизировать все русское население Восточной Галиции, или, наоборот, притягательная сила русской государственности и русской культуры привлекла бы на свою сторону массы русского племени в Австро-Венгрии – этот вопрос остался неразрешенным, так как с завоеванием Галиции все национальные и партийные отношения русского населения в этой стране подверглись полному изменению. Крестьянская масса, которая склонялась к украинству, пользовавшаяся покровительством властей, может быстро перейти на сторону «москвофильства»: она будет с теми, кто ее защитит и даст ей хлеб. Что же касается украинской интеллигенции, то с присоединением Галиции к России она теряет всякую почву для обособленного развития и, вероятно, найдет для себя и более выгодным, и более разумным примкнуть к общегосударственному языку и русской культуре.

Во всяком случае, еще в настоящее время приходится изучать положение русского народа в пределах Австро-Венгрии генетически, в связи с тем, как совершалось образование в русском племени обособленного украинского народа. При этом я совершенно не буду касаться отношений украинства к культурной политической жизни русской Малороссии (Украины): ее население, связанное со всем русским народом единством религии и государственного сознания, играющего все более могущественную роль в жизни современных народов, представляет иные черты развития, нежели у украинцев Галиции¹.

Когда Австрия присоединила в 1772 г. Галицию, то австрийское правительство, естественно, стремилось обособить враждебно настроенное по отношению к нему польское дворянство и сделаться популярным в среде низшего, крестьянского населения, которое было по происхождению, языку и религии (униатской) чуждо шляхте. Лучшим средством для такого обособления шляхты было пробуждение национального сознания в русинской крестьянской массе. С 1772 г. в этом направлении был принят целый ряд мер²: учреждают в Вене духовную семинарию для униатов Австрии, т. е. для русинов; обнародывают указ о допущении этих последних на государственную службу наравне с поляками; требуют от помещиков более гуманного отношения к крестьянству и затем точно определяют барщинные повинности этого последнего. При учреждении в 1784 г. Львовского университета было устроено несколько кафедр с преподаванием на «народном церковнорусском языке» (с 1787 г.). Современники с восторгом отмечали это новое явление. «Се было истинным восхищением слухати, як молодые таланты свое быстромие в науковых упражнениях на своем родном языке изъясняли и як превосходно в так важном деле поступали». Несмотря на то, что с наступлением реакции в Австрии после смерти имп. Иосифа положение русинского духовенства и крестьянства ухудшилось, однако

---

¹ Подробнее об этом процессе см. в моей книжке «Зарубежная Русь». 1914.

² По истории галицких русинов в 18-19 в. см.: М. Грушевский. Очерк истории украинского народа. Изд. 2. 1906. Его же. Иллюстрированная история Украины. 1903. И. Филевич. Из истории Карпатской Руси. 1907. L. Wasilewski. Ukraina i sprawa ukrainska. 1911. С. Ефремов. История украинского письменства. Изд. 2, 1912. О. Огоновский. История литературы русской. Ч. II и III. 1889, и дал. В указанных сочинениях приведена и литература по истории и истории литературы Галицкой Руси. Очень интересна статья И. С. Свенцицкого. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в. 1906 (Известия отдел. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. наук, т. XI, кн. 3).

еще и в начале XIX в. галицко-русская интеллигенция с восхищением говорила о милостях австрийского правительства и не находила слов для выражения своей преданности и благодарности династии. Но эта последняя все более становилась на сторону дворянства, все отрицательнее относилась к русинским национальным правам. И вот ок. 1820 г. уже начинается в Галиции национальная борьба. Когда в 1816 г. вводится польский преподавательский язык в русинских народных школах, высшее униатское духовенство выступает с протестом против этой меры. Со своей стороны крестьяне, не видевшие со стороны власти защиты от помещичьих злоупотреблений, начинают волноваться, и в 1824 г. в одном из округов Галиции вспыхивают крестьянские беспорядки. Недоверие к русинскому населению составляет теперь одну из характернейших особенностей австрийского режима в Галиции. Возможные притязания России на Галицию, не прекращавшиеся в русских правительственных кругах с 1815 по 1846 г. толки о присоединении к России этой области (ввиду того, что «Галичина была и раньше русским краем, и ныне живут в ней православные и униаты», как писал ген. Паскевич) – все это создавало атмосферу, в которой для национального развития русинов не было места. В это время, кажется, впервые ставится вопрос о том, что же именно представляет тот русский язык, на котором говорит русинское население Галиции. От того или иного разрешения этого вопроса зависело политическое положение русинов в Галиции. Губернатор этой последней доносил в 1816 г., что «рутенский» (*ruthenisch*, от лат. *rutheni*, как назывались в средневековой латинской письменности русины) язык есть лишь разновидность (*abartung*, наречие) русского языка, и потому благоразумнее вводить в народных школах польский язык, нежели русский. Русинские кафедры во Львовском университете, преобразованном в 1805 г. в лицей, были уничтожены уже в 1808 г.; воспитанники «русского института» получали меньше жалования, чем другие священники-униаты.

И вот, как сообщает в своих «*Annales ecelesiae rutenaе*» (1862) Мих. Харасевич (стр. 997–998), униатский митрополит должен был доказывать, что «греко-католическое население Галиции не русские (великорусы), но по своему происхождению русины (*Ruthenen*, малороссы) и представляют не русский, но русинский народ, поэтому и язык, которым пользуется тот народ, не русский, но русинский» и т. п. Таким образом, политика национальной обороны создала необходимость подчеркнуть иное происхождение малорусского народа, нежели «русских», и указать на то, что русинский язык не есть русский. «Русский язык, – говорил в своем донесении (1818) митрополит, – не только очень отличен от употребляемого в стра-

не русинского, но и даже чужд греко-католическому населению Галиции». Начало противопоставления русского языка малорусскому было положено в этом знаменательном обращении митрополита к высшим австрийским властям. Несколько лет спустя митрополит опять доказывает самостоятельность русинского языка; и в таком же духе составляется трактат по этому вопросу каноником И. Могильницким. Русское влияние проникало в Галицию чрезвычайно слабо, и даже русская азбука стала постепенно вытесняться и заменяться латинской. «20-30 лет спокойного хода такой жизни, – говорит И. Филевич, – и пестрота ее сгладилась бы незаметно; русский язык исчез бы так же точно, как исчезли русские буквы». Но для такой «спокойной жизни» не было места в тогдашних европейских отношениях, и прежде всего в Галиции, которая не могла не отозваться на события восстания Польши в 1830 году. В связи с планами революционной польской молодежи и русское население Галиции в лице нескольких интеллигентных семинаристов выступило с заявлением о своем национальном праве. Со стороны польского общества эти притязания были встречены очень враждебно, что еще углубило пропасть между начинавшимся русскими национальным возрождением и польскими общественными симпатиями. Самое же это русинское движение было еще так слабо, что определиться в каком-нибудь направлении не могло. Естественно, что оно радостно хваталось за всякую поддержку, откуда бы она ни шла. А шла она теперь из России, откуда в 1822 г. во Львов приехал первый русский ученый П.И. Кеппен. В 1835 г. сюда же приехал М.П. Погодин, который живо заинтересовался Галицкой Русью, стал давать о ней сведения в своих журналах и сам присылал в Галицию русские книги, будившие здесь оживленное умственное движение. Правда, Погодин несколько преувеличивал, утверждая, будто бы русины мечтают о воссоединении с Россией, но, несомненно, он опирался в этих своих утверждениях на том национальном сознании галичан, которое резко противопоставляло себя полякам и австрийцам. Поездки русских ученых в Галицию шли одна за другой, создавая среду для постоянного духовного обмена. Некоторые из литературно образованных галичан уже настаивали на создании одного литературного языка для всех русских, причем одни (Бережанин, Венелин) стояли на стороне русского литературного языка, другие полагали, что таким языком должен быть церковнославянский. «Простонародный, мужицкий» язык внушал некоторые опасения даже сторонникам национального развития, какими были Могильницкий, Лозинский, Вагилевич и др. В тридцатых годах XIX стол. уже образуется кружок людей, стремящихся создать литературу на чисто народном языке.

Во главе его стал бедный семинарист М. Шашкевич, который в 1835 г. издал первое произведение, написанное на народном языке, «Голос галичан в пресветлый, прерадостный (66) день рожества его императорского величества Франца I, цесаря австрийского, короля их наимилостившего». В следующем году Шашкевич произнес первую речь на малорусском языке в музее семинарии, затем проповедь в кафедральном Львовском соборе, и так постепенно, одно за другим, стали появляться произведения на малорусском языке. Однако все еще не было достаточно ясного представления о том, каким должен был быть литературный язык для галицких русских, царил «язычная путаница». И в идейном отношении многое оставалось невыясненным. Прежде знакомство галичан с русской литературой сводилось к увлечению торжественными одами ложноклассиков и подобными им произведениями. От русской литературы ждали «пеанов древней и самодержавной России» (по выраженью Свенцицкого). Таких пеанов не давали ни Пушкин, ни Гоголь, ни иные писатели 30-х и 40-х годов. Но зато они в изобилии шли из лагеря московских славянофилов, встречая горячий отклик в сердцах галичан. «Славянофильские начала стоило галичанам только переиначить на “цесарь, вера – обряд, наш народ”, чтобы увидеть в статьях московских славянофилов собственные мысли и убеждения. Романтическое увлечение идеей народности, преклонение перед давно прошедшим, традиционный консерватизм и клерикализм были слишком благодатной почвой, чтобы не воспринять столь родственного галичанам московского славянофильства».

Эру в развитии национальной жизни Галицкой Руси создали события 1848 г. и польская революция 1846 г. Последняя вызвала со стороны австрийской бюрократии репрессии в виде крестьянских волнений, направленных против помещиков. Так называемая «галицийская резня» (подробности см. в книге В. Limanowski. *Historja ruchu rewolucyjnego w Polsce w 1846 r.* Krak. 1913) едва задела Восточную Галицию, но она и здесь должна была вызвать сильный отклик в сердцах подавленной крестьянской массы. В том же 1846 г. была уничтожена автономная Краковская республика. С присоединением ее к Галиции возник впоследствии оставленный правительственный проект о разделении этой области на две части, восточную и западную, в соответствии с ее этнографическими границами³. Гораздо значительнее оказалось движение, созданное 1848 годом. Польские политические деятели составили адрес короне, в котором просили

³ Иван Кревецкій. Справа по ділу Галичини в рр. 1846–1850. Записки Наукового товариства имени Шевченка, 1910. Его же статья на ту же тему. Литературно-науковий вістник, 1910.

о полонизации галицкого управления и школы. Когда русины, которым предложили подписать адрес, указали на полное умолчание в нем о национальных правах русского населения Галиции, то произошло несколько бурных сцен, и здесь впервые, может быть, русины резко обособились от поляков в вопросах чисто политических. Пути дальнейшей деятельности поляков и русинов разошлись. В то время как поляки отстаивали свои национальные требования, русины обратились к представителю высшей власти в Галиции гр. Стадиону с «петицией к монарху», где заявляли об исконных русских правах на Восточную Галицию. «Ядро народа, масса населения, сохранило крепко и непоколебимо и русскую веру, и русскую народность. Верно сохранить эту дорогую каждому русину народность и передать ее невредимой нашим потомкам составляет нашу священную обязанность». Правительство пошло на уступки: оно разрешило издание органа на русском языке («Галицийская заря») и учреждение законного галицко-русского представительства, «Головной рады русской». В октябре того же года во Львове собрался «съезд русских ученых», который должен был установить литературный язык для Галицкой Руси. Признавая близость двух наречий русского языка, великорусского и малорусского, и даже настаивая на введении преподавания первого из них во 2-м классе гимназии, съезд стоял, однако, на почве самостоятельности последнего. Основной задачей съезда было «установить для русского (т. е. малорусского) языка постоянные грамматические формы, а для русского письма принять наиболее подходящее правописание, а также указать отличие русского (русского) языка как от церковнославянского, так и от российского и от польского». Затем съезд ставил своей целью «создать народный институт по образцу чешской матицы, который был бы центром русской литературной жизни». Ученых русских в Галиции, собственно, еще не было, но имелась в некотором количестве духовная и светская интеллигенция, и всего на съезд собралось 99 человек. Быть может, важнейшим делом съезда было учреждение Галицко-русской матицы, первое собрание которой состоялось, однако, только в 1850 г., а правительственное утверждение явилось лишь в 1861 г. Дальнейшим крупным приобретением 1848 г. было решение славянского пражского съезда (в июне) относительно Галиции. Представителями Галицкой Руси на этом съезде явились «Русская головная рада» и «Русский собор» (организация, составленная из польских помещиков Галиции). Поляки и русины составили в Праге секцию, которая признала в принципе возможность разделения Галиции на две части (в согласии с этнографическим делением населения) и постановила полное равноправие языков, религий и народностей польской

и русской в пределах этой области. Так совершилось возрождение Галицкой Руси, которое потом двинулось быстрыми шагами вперед. История этого движения выходит за рамки моего настоящего исследования, и я должен, указав на общие очерки его в трудах Грушевского, Огоновского и др., ограничиться немногими замечаниями.

Проект разделения Галиции на две части не осуществился, но в 1849 г. из Галиции была выделена в особую область Буковина, вследствие чего численное соотношение двух народностей Галиции пришло в большее равновесие. В конце 1851 г. наместник Галиции подал имп. Францу Иосифу докладную записку, в которой выступал против преподавания в гимназиях на галицко-русском языке ввиду невыработанности этого последнего. С наступлением реакции в Австрии национальные притязания галицких русских оставались в совершенном пренебрежении, а в 1858 г. наместник Голуховский предложил план вообще полной ликвидации русского языка в университете, где лектором был Головацкий, и в гимназии, где он преподавался в низших классах. И снова всплыл вопрос о разъединении галицко-русского и литературного русского языков с помощью азбуки. Опять, как до Конституции 1848 г., задумали ввести в русскую письменность латинский алфавит. Высшее венское правительство ограничилось, однако, полумерами и не решилось прекратить преподавание русского языка в низших классах гимназии. Зато в вопросе об азбуке Голуховский мог продолжать политику, которая велась уже с тридцатых годов⁴. В мае 1859 г. была созвана комиссия под председательством наместника для обсуждения вопроса о введении новой азбуки. Предполагалось просто ввести латинский алфавит, даже не измененный на манер чешского, но точно соответствующий польским комбинациям букв для выражения таких звуков, каких не знал латинский язык. Предполагая, что русская оппозиция в достаточной мере обессилена, галицкие власти не ожидали встретить сопротивления со стороны комиссии и думали с будущего учебного года, т. е. с осени, ввести новую азбуку. Сам Голуховский заявил собравшимся, что мера имеет в виду политические цели: необходимо разобщить Галицию и Россию, а сами галичане, жаловался он, ничего не сделали для того, чтобы «надлежащим образом обособить свой язык от великорусского, и потому теперь за это вынуждено взяться правительство». Оппозиция, однако, оказалась настолько сильна, что сразу обнаружился полный провал затеи Голуховского. Тогда этот последний прибег к запретительным мерам, которые по-

---

⁴ Об этом вопросе см. статью Ив. Франко «Азбучна війна в Галичині 1859 р.». Записки наукового товариства імени Шевченко, 1913. Кн. 2 и дал. Статья охватывает более широкое содержание, чем указывает заглавие.

стигли русскую «гражданскую» азбуку, а в августе 1857 г. предписал употреблять азбуку, составленную одним из угодливых русинов, Черкавским, и представлявшую попытку фонетического правописания, хотя и кирилловскими буквами. Это предписание осталось без отзвука, и во второй половине 1859 г. наступило полное затишье в галицко-русской духовной жизни. Только события 1859 г., заставившие австрийское правительство вернуться к конституционному режиму, резко изменили положение вещей. Правительство назначило униатским митрополитом Яхимовича, одного из епископов, которого Голуховский признавал одним из опаснейших вожakov «русофильства». Яхимович обратился к императору с представлением по делам Галиции, настаивая на удовлетворении целого ряда нужд русского народа в области преподавания и управления. Это была уже целая политическая программа, основанная на убеждении, что Восточная Галиция представляет русский край. Русское национальное возрождение совершилось почти так же скоро, как чешское, и если дальнейшее развитие русинов пошло иначе, чем чехов, то это происходило как вследствие неблагоприятных экономических обстоятельств, не позволявших русинам развить в Галиции (как в Чехии) культурную промышленную жизнь, так и вследствие отсутствия внутреннего единения в самом галицко-русском народе. Наличие единоплеменной России послужила для этого развития скорее задерживающим, нежели поощряющим началом, так как разногласие между основными течениями народной жизни, намечавшееся уже раньше, теперь, с наступлением конституционной эры, обозначилось гораздо более резко. Оно заключалось в различии воззрений на Россию и отношения к ее литературному языку, а также в принятии той или другой азбуки. «Народовцы русские стали с 1864 г. пользоваться по большей части фонетическим правописанием» (Огоновский. II. 154), т. е. правописанием, введенным Кулишем, тогда как «Собор ученых» 1848 г. остановился на этимологическом правописании, принятом Максимовичем. Оба эти правописания во многом разнились от русского литературного, и каждое из них отдаляло галицко-русскую письменность от «российской», т. е. русской в России. Галичане были привлечены и к созданию новой австрийской государственности; из бесправного и презираемого населения, вечно подозреваемого в коварных сношениях с Россией, они превращались в одну из опор нового строя. Создавая автономный галицийский сейм в 1861 г., правительство ввело в него 40 русских депутатов, которые выступали против поляков, поддерживая правительственную политику. В высших правительственных сферах русины имели некоторую поддержку в лице Шмерлинга, бывшего премь-

ером в течение пяти лет (1860–1865). Шмерлинг ввел в Львовском университете две русинские кафедры, в то время когда польских совсем не было; он настаивал на уважении к правам русского языка в Восточной Галиции⁵ и т. д. Но все это изменилось после 1865 г., когда во главе Галиции опять был поставлен наместником Голуховский, особенно после Конституции 1867 г., когда все управление Галицией на долгие годы перешло в руки польской консервативной партии. Русинские национальные требования, признанные официально Конституцией, фактически встречались с противодействием со стороны местной польской власти.

Между тем и в самом русинском народе должна была наступить дифференциация, неизбежная при его дальнейшем политическом развитии. Стоит взглянуть на тот литературный язык, которым писали в то время верхи галицко-русской интеллигенции, чтобы увидеть в нем нечто промежуточное, неестественное, не имевшее никаких видов на будущее. Действительно, этот язык вовсе не русский литературный, но в то же время он далек и от малорусского. Вот образчик этого языка, заимствованный мной из «Отчетов общества литературного Галицко-русской матицы» (за 1864 г. «Науковий сборник», 1865, вып. 1). Отрывок взят мной из главы, носящей название: «Програм деланий общего собрания членов литературного соединения Галицко-русской матицы в Львове в днях 7 (19), 8 (20), 9 (21) липця 1864». Говорится об открытии общества. «По службе Божей соберутся члены общества в Народном доме в назначенной на тое сале за оказанием вступных карт. О десятой године открывает председатель теперешнего выдела заседание ответною промовою; потому читает секретарь дотеперешнего матичного выдела сиравоздание до техчасовых деланий Матицы и дотычныи рахунки, которыи членам общества в печатных оттисках пороздаются». Так писали люди, отнюдь не думавшие об отделении своего языка от литературного русского; напротив, они, видимо, старались к нему приблизиться, но, не будучи с ним знакомы и выросши на литературной польской речи, они создали в своем языке нечто приближающееся более к этой последней, чем к русскому языку. Между тем заподозрить составителей отчета в каких-нибудь «сепаратических» намерениях мы не имеем права. Напротив, в Галицкой Руси все более укреплялась симпатия к могущественной России, и чувства преклонения перед ней, созданные русской деятельностью в 1849 г. и последующими событиями, еще подогревались умирением польского восстания, вслед за чем

---

⁵ См. главу «Obozy ruskie» в книге В. Фельдмана «Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi. 1846–1906». Т. II.

в Галицию приехали русские чиновники в поисках новых агентов для обрусительной политики в Ц. Польском.

В кругах русинских политиков господствовало убеждение (для которого при имп. Николае I, пожалуй, и было некоторое основание), что Россия займет своими войсками Восточную Галицию, и что самая Австрия разлагается. Представлялось естественным и желательным скорее слиться с Россией, и распространяется взгляд, что галицкие русины один народ с великорусами, что не для чего трудиться под сознанием своей литературы, когда уже есть русская и т. д. (Грушевский. 432–433; Feldman II. 329). В руках этих политиков, которых поляки прозвали намеренно обидным словом «москвофилов» (от слова *москаль*, которое на этом шовинистическом жаргоне означало русского), находились и важнейшие культурные учреждения Галицкой Руси, очень старое львовское церковное братство с его «Ставропигийским институтом», а также Народный дом и Галицко-русская матица. Поэтому их влияние было весьма велико. После московского Славянского съезда 1867 г., когда надежды всего славянства (кроме поляков) устремились на Россию, это значение партии еще возросло. Естественная эволюция ее должна была направиться к все более и более тесному единению с Россией, к сознательному восприятию ею литературного языка, к образованию, одним словом, в галицко-русском населении такой партии, группы или даже части народа, которая правильнее всего была бы названа не «москалефильской», но русской в том же смысле, как мы говорим о русском народе в России. В этом направлении и пошло тяжелое, не лишенное ошибок и заблуждений развитие галицкого «москалефильства», пока в 1908 г. оно не превратилось в настоящую русскую партию, деятели которой стали говорить и писать уже не на том странном языке, образчик какого был приведен выше, но на чистом литературном русском языке. Эта эволюция представляет совершенно естественный путь развития основной точки зрения «москалефильства», выяснившейся в 1866 году. И если «Галичанин» как орган старой партии отрекся от этого новейшего направления, то он обнаружил только непонимание неизбежного исторического процесса. Выжила ли бы или нет образовавшаяся в лоне Галицкой Руси русская группа – это другой вопрос, но, во всяком случае, принципиально она не была лишена жизнеспособности, тогда как старое промежуточное «москалефильство», само не представлявшее себе ясно, чего оно хочет, несомненно, было обречено на вымирание. Учреждения, оказавшиеся в его руках, или прекратили свое существование, или прозябали самым жалким образом. Его политические союзники, какими оказывались иногда, ввиду общей, связующей их вражды к украин-

цам, польские националисты различных оттенков, разочаровались в жизнеспособности и народном значении «старорусинов» (как в смягченной форме называли также «москалефилов») и отступились от них. На выборах в галицийский сейм и рейхсрат обнаружилось, что без поддержки власти это политическое течение не могло приобрести большого влияния. Однако предсказать упадок русскому политическому движению мы не имели основания.

Шевченко умер в 1862 г. Его смерть отозвалась громким эхом в Галиции. Его поэзия, воспевающая славное прошлое Украины, пробуждала живое национальное сознание в молодежи как по сю, так и по ту сторону русско-австрийской границы. Создается новое национальное настроение, которое ищет себе выражения в сознании себя как отдельного народа. Новому народу нужно и новое национальное название, и таковым является «Украина, украинский народ». Если верить О. А. М-ому⁶, то в 1863 г. в Галицкой Руси это название не было распространено. «Его принес к нам польский повстанец Павлин Стахурский-Свенцицкий (Павло Свий), получивший от тогдашнего наместника Галиции гр. Агенора Голуховского место преподавателя малорусского языка в академической гимназии во Львове. Этот Стахурский-Свенцицкий усердно распространял среди галицко-русской молодежи украинофильский сепаратизм и фонетическое правописание и пытался ввести употребление латинских букв вместо русских» и т. д. Он ввел, по словам М-ого, термин «украинско-русский» и распространил его в своем журнале «Siolo», который был посвящен «народным украинско-русским делам».

Так или нет обстояло дело в действительности, я не знаю, но сам факт появления названия в 60-х годах и все большего его распространения до последнего времени не подлежит сомнению. Он очень характерен как выражение нового украинского национального сознания. В применении к этому последнему термин «украинофильство» неправилен, так как дело идет не о симпатиях, не о любви к Украине, а об образовании нового народа, украинского народа, в лоне которого возможны различные партии, как и в лоне каждого отдельного народа. И так случилось действительно: сначала, в конце 70-х годов прошлого столетия, существовали еще просто два политических лагеря, два «фильства», москалефильство и украинофильство. В следующее десятилетие процесс их разделения и связанный с этим процесс национальной дифференциации уходит

---

⁶ Научно-литературный сборник. Повременное издание Галицко-русской матицы, 1904, том 3, кн. 2. Стоит сравнить хороший русский язык этих томов с языком 60-х годов, чтобы увидеть, что пред нами уже другой народ, русский народ в Галиции.

уже гораздо дальше; здесь господствуют уже совершенно разные национальные и политические идеалы, и сами вожди двух лагерей, Наумович на одной стороне, Драгоманов – на другой, представляют политических антиподов: первый находится в близких связях с правительственной и официальной Россией и кончает свою жизнь в России, второй, русский ученый, эмигрант из России, умирает вне ее, в Софии, где занимает кафедру в университете. В конце 80-х годов украинцы уже не «украинофилы», но отдельный украинский народ.

В этом народе возникают различные партии. Сначала это народники (в смысле националистов), отстаивающие принцип самостоятельного национального существования украинцев. Как говорит Л. Василевский (*Ukraina*. 141), влияние радикальной молодежи отразилось на направлении первого органа народников, «Дела», основанного в 1880 г. Владимиром Барвинским. Этот последний пробует воплотить в жизнь идеи, пропагандируемые молодежью, организует публичные митинги с участием крестьян, торопит основывать все новые и новые библиотеки (для народа) и т. д. Радикальная молодежь, встречая со стороны народников желание работать в том направлении, которое она указывала, принимает участие в их предприятиях, пишет статьи в «Батькивщине», «Деле» и основанном в 1880 г. литературном еженедельнике «Заря». Этим путем часть радикальной молодежи сливается с лагерем народников, тогда как меньшинство ее стремится создать собственную отдельную крестьянскую партию с аграрно-социалистической программой. Такая партия создается при сильном воздействии со стороны Драгоманова под самый конец девятого десятилетия. Главный напор тогдашних украинских партий был направлен не против поляков, но против «москалефилов», которые представляли в то время значительную силу, обладали целым рядом учреждений, устроили в 1873 г. «Общество имени Михаила Качковского» для распространения просвещения в крестьянской массе, где имя Наумовича пользовалось в это время широкой популярностью, и т. д. Украинцы тогда еще не были достаточно хорошо организованы, а их «Научное общество имени Шевченки», основанное в 1872 г., вело довольно жалкое существование. В борьбе со своим главным врагом, «москалефилами», украинцы нуждались в поддержке, и эту последнюю они думали найти в союзе с польскими консерваторами. Орган Барвинского «Правда» и стал пропагандировать это сближение. В результате его пропаганда принесла украинцам реальные выгоды; в ответ на заявление депутата Романчука (1889) в львовском сейме о лояльности украинского движения по отношению к Австрии украинцы получили ряд уступок, из которых важнейшими явились введение

фонетического правописания в официальной переписке и в школе, разрешение открыть кредитное общество «Днистер» и т. д. Но и в самом украинском обществе было много недовольных официальным «примирением» Барвинского, и союз с поляками ввиду старых традиций борьбы был действительно чем-то противоестественным. Требовалась новая группировка партий. Ее совершил выдающийся украинский деятель, автор многотомной истории Малороссии львовский профессор М.С. Грушевский, который в 1894 г. переехал из Киева во Львов и занял здесь кафедру всеобщей истории с украинским преподавательским языком. Грушевскому удалось превратить «Общество имени Шевченки» в крупное ученое учреждение, издания которого пользуются заслуженной известностью, сплотить вокруг себя кружок хорошо образованной молодежи и с нею начать издание журнала в духе русских толстых журналов – «Литературно-научного вистника». Политика примирения с поляками уже успела обнаружить свою несостоятельность, а выборы в сейм в 1897 г., объединившие в одном чувстве вражды к полякам украинцев и «москалефилов», внесли полный разброд в украинскую политическую мысль. Грушевский нашел выход из этого положения, сплотив в 1900 г. национальные оппозиционные элементы в новую партию, которая получила название народно-демократической. Как название ее, так и программа чрезвычайно близко напоминали польскую народно-демократическую партию, которая именно в эту пору приобретала все больше значения как на почве Галиции, так и в Царстве Польском. Обеим этим партиям, украинской и польской, принадлежала видная роль в течение первого десятилетия XX века. Но ничто не обладает такой непрочностью, как политические партии, и народная демократия в Галицкой Руси устарела в конце концов так же, как в Польше. Рядом с народной демократией и в Галицкой Руси возникла социал-демократическая партия, не чуждая, как и польская социалистическая партия, националистического колорита. Так приблизительно обстояло дело в половине первого десятилетия нового века: украинцы и «москалефилы» стояли друг против друга, как два враждебных лагеря; поляки представлялись врагами обоих лагерей, и с ними заключались только практические компромиссы. Польские консерваторы, все еще сохранявшие свою власть в Галиции, готовы были сделать украинцам ту или другую национальную уступку, чтобы отдалить момент разговоров о введении новой избирательной системы или уступок на почве социального законодательства (Wasilewski. 170). Точно так же эти политики не чуждались компромисса с русскими партиями («москалефилами»), когда надеялись с помощью этих консервативно настроенных пар-

тий задержать натиск украинской оппозиции. Все это создавало в продолжение многих лет в галицийской политической жизни атмосферу смуты. Конечно, с присоединением Восточной Галиции к России многое должно измениться в политической жизни страны. Крестьянская масса поддерживала на выборах украинских деятелей, потому что на их стороне была сила и они могли больше, чем преследуемые «москалефилы», сделать для облегчения материального положения бедствующего крестьянства. Но когда эта правительственная поддержка будет отнята у украинских партий, когда русская власть пойдет навстречу массе галицко-русского населения, картина изменится: крестьянство, по всей вероятности, явится горячим сторонником и объединится с Россией и даже православной церковью. Конечно, все это должно произойти без насилия.

Украинская интеллигенция немногочисленна; она состоит из лиц свободных профессий, из духовенства, из учителей, тогда как масса населения занята сельским хозяйством и может играть роль политического фактора только во время выборов или известных массовых выражений своих чувств. Среди украинских деятелей замечалось стремление противопоставлять чисто политическую работу культурному органическому труду, и следует признать, что этому последнему принадлежит почетная роль в области созидательной работы.

В политике же украинские радикалы и народные демократы, постоянно сталкиваясь с поляками и препятствуя им в сейме и в рейхсрате, добились, наконец, того, что вынудили у них уступки в важнейших вопросах, о чем ниже.

Любопытную эволюцию в эти последние годы пережило «москалефильство»⁷. Дело в том, что всеобщие выборы в рейхсрат в 1907 г. обнаружили упадок влияния этой партии в русском населении Галиции; из 22 депутатов от Галиции 17 оказались избранниками украинцев. Разумеется, решающего принципиального значения таким выборам нельзя придавать, потому что масса не настолько сознательна, чтобы делать тонкие различия между партийными отношениями, и на выборах часто побеждает тот, кто больше пообещает, или тот, кто более искусно очернит своего противника. В применении к галицко-русскому крестьянству это тем более вероятно, что и представители «москалефильства» говорили с народом по-малорусски, а не на том своеобразном «язычиий», на котором издавался

---

⁷ См. Л. Цегельский. Галицьке москвофильство в останій його фазі. Літературне-науковий вістник. 1910, том 50, стр. 389-406. При очень субъективном, враждебном отношении к «москвофильству» эта статья требует критического отношения со стороны читателя. Я заимствую из нее лишь некоторые хронологические данные.

«Галичанин». Таким образом, избиратель, конечно, далеко не всегда мог разобраться в том, «украинофил» или «москалефил» – будущий выразитель его желаний и дум. Тем не менее крах «москалефильства» оказался слишком чувствителен. К тому же лидеры этой партии давно обнаружили полное отсутствие энергии и всякой инициативы, учреждения их пришли в совершенный упадок. Между тем в правительственной жизни России именно в эти годы взяло верх националистическое движение, выразителем и защитником которого явился такой яркий политический деятель, как П.А. Столыпин. Естественно, что все жизнеспособное в «москалефильстве» стало выделяться из него, потянуло к России и к тем ее политическим элементам, которые шли под знаменем новой националистической партии, приобретшей в 3-й Госдуме доминирующее значение. Поездка после пражского съезда летом 1908 г. пяти русских «делегатов» по Галиции составила эру в развитии нового национального направления в Галицкой Руси⁸. После этой поездки молодежь, примыкавшая к «москалефильству», и некоторые более зрелые политические деятели, члены рейхсрата или сейма, решительно примкнули к русскому национализму и стали издавать на русском языке несколько газет. Правда, это течение подготавливалось уже давно, и еще в 1904 г. на чистом русском языке выходил журнал «Живая мысль», но только после съезда партии, 2 ноября 1909 г., произошел окончательный раскол между двумя течениями «москалефильства», и с этого времени можно говорить о создании русской народной группы в Галицкой Руси. В мае 1908 г. бар. Бинерт заявил, что «русских в Галиции нет»; в виде ответа из разных местностей Галицкой Руси поступило 70 тыс. подписей под протестом против этого заявления. Однако, согласно изложенному выше, я не стал бы придавать особенное значение этим крестьянским протестам, организованным политическими агитаторами. Несколько более показательным явлением служит дальнейшая неудача русской партии, обнаружившаяся на выборах 1911 г. в рейхсрат. Именно «москалефилы» (Russophile) получили 128 160 голосов, украинские народные демократы – 326 955 голосов, украинские радикалы – 54 701 и украинские социал-демократы – 21 618 голосов⁹. Таким образом, при всеобщем выборном праве

---

⁸ Г.В. Комаров. По славянским землям после Пражского съезда. I. Поездка по Чехии. II. По Галицкой Руси. 2-е изд. 1909 (отдельные оттиски из газеты «Свет»).

⁹ По поводу этих украинских партий мы находим в одном из обзоров Л. Цегельского весьма интересные замечания: «Характерна для времени мертвой зыби партийная жизнь галицких русинов или, вернее, отсутствие этой жизни. Официально в Галиции существуют три украинские партии:

украинцы имели основание рассчитывать на полную победу над своими русскими противниками. Естественно, что реформа избирательной системы для выборов в галицийский сейм представляла один из краеугольных камней их программы. Последние годы ознаменовались упорной борьбой их с поляками, которая лишь незадолго до войны завершилась компромиссом, впрочем, очень шатким.

Основными требованиями украинцев служили следующие три: создание отдельного украинского университета во Львове взамен тех «русских» кафедр, которые там существовали, реформа избирательных законов, административная реформа управления Галицией в смысле большего допущения украинского элемента. Впрочем, этот последний вопрос никогда не играл такой роли, как первые два, борьбой за которые объясняется тот кризис галицийских политических отношений, который ознаменовал собой 1912 и 1913 годы. Уже в 1910 г. галицийский сейм не мог провести ни одного законопроекта, кроме бюджета, вследствие оппозиции украинских депутатов, несмотря на то, что эти последние представляли ничтожное меньшинство. Такую же обструкцию украинцы устроили (впрочем, не одни) и в венском парламенте, и результатом их действий явилось неудовольствие монарха на польскую политику в Галиции. Под давлением этого монаршего неудовольствия (известная фраза императора Франца Иосифа: «Что-то теперь в галицийском сейме дело не идет так гладко, как раньше») поляки считали себя вынужденными пойти навстречу украинцам.

национально-демократическая, радикальная и социал-демократическая, однако в действительности они как партии уже не существуют или еще не начали существовать. В программах, тактике, организации и, наконец, в личных отношениях эти "партии" до такой степени перепутались, что решительно нельзя разобрать, кто кому ближе: национал-демократ А национал-демократу Б и радикал В радикалу Г или, может быть, национал-демократ А радикалу В, а радикал Г национал-демократу Б и т. д.? Факт тот, что среди национально-демократической партии обнаружился такие сильные программные, тактические и личные противоречия, что, как одна цельная фаланга, она уже не существует, с другой стороны, и радикалы точно так же делятся и разнятся»... Отсюда г. Цегельский делает вывод: «Формальное существование партий (в кавычках) в таких условиях оказывается скорее вредным и отрицательным явлением, нежели полезным и положительным, ибо оно вводит путаницу в политические взгляды массы, дезориентирует общественное мнение и деморализует единицы». См. «Литер.-наук. вестник», 1910, т. 52, стр. 179. Последние выборы в сейм, происходившие 30 июня 1913 г., дали украинцам огромный перевес над «москалефилами»: из них прошел всего один, да и то голосами украинцев, тогда как этих последних 31, так что вместе с вирилистами украинский клуб в сейме состоял из 34 членов.

5 окт. 1911 г. должна была открыться октябрьская сессия парламента, которую украинцы встретили с большим недоверием, и которая действительно привела в самом скором времени к отставке Гауча. В декабре того же года стало известно, что на январь 1912 г. назначена сессия сейма. Сообщая об этом, «Дело» предсказывало неудачу этой сессии и советовало готовиться к новым выборам. Действительно, сейм заседал всего около пяти недель (с 11 янв. до 14 февр.) и имел всего 6 заседаний, которые продолжались в совокупности своей 8 ч. 45 мин., но все же дали несколько важнейших, неотложных законов. Галицийская украинская печать торжествовала по тому поводу, что 12 депутатам - украинцам удалось разрушить деятельность почти 140 польских членов сейма, и видела в этой победе «музыкантов», которую она описывала в восторженных выражениях, залог будущих успехов. В 1912 г. украинские члены рейхсрата продолжали свою обструкцию и препятствовали прохождению важнейших военных законов, что вынудило правительство вступить с ними в переговоры и предъявить к полякам требование сделать украинцам уступки для создания в Галиции мирных национальных отношений. Украинцы прекратили обструкцию, за что удостоились от императора чрезвычайно милостивого обращения, глубоко взволновавшего поляков. Осенью 1912 г. польское сеймовое большинство сделало попытку собрать сейм на осеннюю сессию, для чего требовалось соглашение поляков с украинцами по вопросу об избирательной реформе. 10 сент. наместник Галиции объявил президиуму украинского клуба в сейме, что поляки предлагают совершить реформу на основании предоставления украинцам 26 проц. всех мест в сейме и создания соответствующего числа избирательных округов. Украинцы настаивали на 30 проц., и соглашение не состоялось, и в октябре 1912 г. центральный политический орган украинской народно-демократической партии, Народный комитет, опубликовал заявление, что, несмотря на всю уступчивость в избирательном и университетском вопросах, проявленную украинцами, поляки не желают идти на соглашение («Дело», 16 окт. 1912). Так осенняя сессия сейма и не состоялась, и дело затянулось до апреля 1913 г., когда 2 числа открылась сессия; немедленно начались переговоры об избирательной реформе, которые, однако, и на этот раз не привели к желательным результатам. Уже через две недели выяснилась невозможность соглашения, наместник Бобржинский вышел в отставку, и его преемником был назначен Корытовский. Летом в связи с учреждением чешского комиссариата стали говорить о применении такой же меры и к Галиции; вообще, положение настолько обострилось, что компромисс стал совершенно необходим. И здесь

опять вопросы университетский и избирательный стали ребром, тем более что новые выборы значительно увеличили число украинских голосов в сейме.

Вопрос университетский насчитывал уже довольно большое число лет своего существования. Впервые он резко выдвинулся в 1901 году, и затем он не сходил с арены политической борьбы украинцев с поляками, принимая не раз характер настоящих столкновений: так, в 1910 году на этой почве произошло побоище между студентами, и один из украинцев погиб в стычке. Убийство студентом Сичинским галицийского наместника гр. Андрея Потоцкого было связано как с выборами, во время которых украинцы считали себя обиженными правительством, так и ожесточением, вызванным университетским вопросом. Украинцы настаивали на учреждении украинского университета именно во Львове, тогда как поляки требовали сохранения польского характера за Львовским университетом и соглашались на учреждение украинского университета в другом городе. Казалось, что вообще между польскими и украинскими националистическими партиями не может наступить никакого соглашения. Необходимость найти *modus vivendi* оказалась, однако, настолько сильна, что предсказания пессимистов, полагавших, что соглашения украинцев с поляками так и не будет, не оправдались. Новый галицийский сейм собрался 5 дек. 1913 г., и снова начались переговоры о реформе. Польское украинское общество, равно как и общественное мнение всей Австрии, и сам престарелый монарх, с напряженным вниманием следили за ходом переговоров. Еще в октябре народно-демократическая партия выступила с новой программой, в которой она настаивала не на частичных компромиссах, но на осуществлении русских требований 1848 г. о разделении Галиции на две части, пользующиеся национальной автономией. «Дело» начало очень энергично отстаивать эту программу (ср. свод цитат из «Дела» в *Kurjer Warszaw.* 21 ноября 1913 г.) уже в октябре, и польские политики, учитывая необходимость для Австрии внутреннего спокойствия и ту поддержку, которую украинцы (*Gaz. Warszaw.* 13 окт. 1913 г.) могут ждать от Германии, всегда враждебной по отношению к полякам, считали положение очень серьезным. В ноябре предварительные переговоры о польско-украинском соглашении казались окончательно неудавшимися, но на этот раз энергия партий победила все трудности. Правда, и после собрания сейма лозунги разделения Галиции опять всплыли в конце декабря 1913 г. во время Львовского съезда народно-демократической партии. Но все это были, в сущности, уже последние тучи рассеянной бури. Переговоры продолжались и в начале февраля 1914 г. привели к положительным

результатам. По закону, принятому сеймом, состав его определялся в 227 человек (45 депутатов – на крупное землевладение, 8 – на среднее, 44 – на города, 5 – на торговые палаты, 99 – на сельские гмины, 12 – на курию всеобщего избирательного права в городах и т. д.). Конечно, это далеко не то, чего хотели и на чем настаивали в своих программах украинские депутаты, но это все же давало ими гораздо более твердую позицию для дальнейших политических приобретений. 14 февраля 1914 г. львовский сейм единогласно принял проект избирательной реформы, причем два противника ее вышли из залы. В числе этих последних были др. Марков, который видел в реформе победу «Берлина» и протестовал против нее на русском литературном языке, за что был лишен голоса, и затем удалился. Что касается Львовского университета, то на этой почве, конечно, еще предстояла борьба украинцев с поляками. Последние видели в существовании польского университета в пределах Восточной Галиции одно из наиболее сильных свидетельств своих державных прав и на Вост. Галицию. Это были крупнейший после Вены университет в Австрии, насчитывавший в зимнем семестре 1913 года до 5 600 слушателей. Значительную часть их составляли поляки, как и в других высших учебных заведениях Львова. Отношения между украинцами и поляками остались враждебными до самой войны 1914 года. Еще в мае 1914 года польское общественное мнение негодовало по поводу того, что украинцы видят в компромиссе с поляками только новое средство для дальнейшей завоевательной политики. «Przegląd Narodowy» (май 1914 г.) формулировал эти требования в следующих положениях: 1) приобретение Львовского университета; 2) школьная автономия, т. е. обособление управления украинскими школами от польских; 3) изменения в администрации; 4) новые приобретения в области языковых прав и т. д. Но, прежде всего, опять-таки разделение Галиции на две автономные части. С той же враждой украинцы относились в это время к «москалефилам». Известный процесс Бендасюка, обвиненного в государственной измене, но оправданного присяжными заседателями-поляками и евреями, вызвал в австрийской делегации выступление украинского лидера Левицкого, который требовали от правительства окончательной расправы с ненавистной партией «москалефилов».

С другой стороны, не оставались в долгу и поляки. В конце 1913 года в польской печати появились разоблачения украинских связей с «Ostmarkenverein», руководящим антипольской политикой в Пруссии. Добытые из архива этого общества документы, перепечатанные во всех польских газетах, обнаруживали, что еще в 1903 году представитель народного комитета как таковой, ксендз Га-

ницкий, вступил в сношения с ферейном с целью общей борьбы украинцев и немцев с поляками. Этот страшный союз пользовался особенным покровительством со стороны германского консула во Львове Фаутера и продолжался до 1913 г., а может быть, и позже, даже после разоблачений. Пользуясь им, немецкие националисты стремились поддерживать в Галиции постоянное состояние смуты. Ни ферейн, ни украинская печать (по крайней мере, украинская радикальная пария) не отрицали достоверности документов, которые выставляли украинскую политическую жизнь в крайне невыгодном свете не только в смысле отсутствия в ней патриотизма, но даже в смысле элементарной честности. Ганицкий содействовал замене в Германии польских рабочих украинскими и их германизации. Его партия материально обогащалась на этой операции, и доход ее, как высчитывали, оказывался очень солидным. Не вдаваясь ближе в эти печальные отношения, отменим, что они могли создаться только в нездоровой политической атмосфере австрийской Галиции, где все пылало взаимной национальной и партийной ненавистью и не разбирались в средствах борьбы. Разоблачения не щадили и «москалефилов», и ярким свидетельством политической деморализации, господствовавшей в русинских партиях Галиции, остается книга Редлитца, сама по себе книга, производящая тоном своих сообщений отталкивающее впечатление¹⁰.

Обратимся к культурному и экономическому положению русско-го населения в Галиции. Как я уже указывал выше, «москалефилы» не сумели поставить принадлежащие им учреждения на должную высоту, не сумели сохранить их от упадка. Это происходило, как кажется, от недостатка уверенности в том, чему же именно они служат, какой государственности и какому народу. Не зная России, не владея русским литературным языком, незнакомые в достаточной мере с русской литературой, они, однако, отрицали право на существование за отдельным украинским языком и возмущались украинской тенденцией полного обособления от России. Получалось какое-то странное, промежуточное положение, и фактически «москалефилам» не осталось больше места в Галиции. На смену им пришла настоящая русская партия, провозгласившая единение Галицкой Руси с Россией и избравшая своим языком русскую литературную речь. Отрицать моральное и политическое право на существование у этой группы, остававшейся до войны сравнительно немногочисленной, конечно, нельзя. Если Германия вела свою политическую борьбу среди чешских и других австрийских немцев, если за нею

---

¹⁰ A. von Radlitz. Unter uns ohne Maske. Eine Antwort auf die Ruthenenfrage, von den Ruthenen selbst gegeben. 2 части. Wien. 1912.

могло быть признано право поддерживать украинцев как противников поляков и как врагов русского влияния в Галиции, то почему же было лишать этого права Россию, которая, во всяком случае, была не менее заинтересована в привлечении галицко-русского населения на свою сторону? Определенность позиции обещала той партии, во главе которой стоял депутат рейхсрата Марков и к которой примыкала довольно значительная группа молодежи, гораздо больше успеха, нежели прежнее неясное положение «москалефилов». На этой почве перед русской партией открывалась возможность практической работы в тех учреждениях, которые находились долгое время в руках «москалефилов». Среди этих последних было несколько замечательных людей, как, напр., Наумович, но в тех ненормальных условиях, в каких развивалось это движение, энергия его вождей постепенно замирала. Даже «Общество имени Михаила Качковского», основанное в 1874 году для распространения народных книг, развившее сначала весьма энергичную деятельность¹¹, мало-помалу отстало от украинской «Просвиты». Язык его отчетов – то же удивительное «язычие», каким пользовался «Галичанин». По данным отчета 1899 г., членами общества были 559 народных библиотек, в 1908 г. это число возросло уже до 1400, что указывало на возможность дальнейшего развития и этого общества, если бы оно вступило на какой-нибудь определенный путь. В области экономической политики теоретики и кабинетные люди-«москалефилы» оказались совсем слабы: основанное в 1873 г. «Общее рольничко-кредитовое заведение» было приведено к разорению; хозяйственная часть «Народного дома» и «Ставропигийского института» также была совершенно запущена. В 1909 г. не имелось даже каталога музеев Ставропигии.

Украинская партия обнаруживала несравненно большую энергию как в своей просветительной, так и в экономической деятельности. Положение галицко-русского крестьянина, как и вообще галицийского, тяжело, и в помощи интеллигенции, которая бы его организовала, он нуждается. Между тем ни польский помещик, ни «москалефил», ждавший спасения от мифического вмешательства России, не приходили к нему на помощь. И в этом отношении украинцам принадлежит, несомненно, большая заслуга¹². Галицко-русское население еще в большей мере, нежели польское, представляет земледельческую массу: в то время как 8,6 % галицийских поля-

¹¹ Памятная книжка в 25-летний юбилей Общества имени Михаила Качковского (1874-1890), списана О.А. Мончаловским. Львов. 1899.

¹² Пользуюсь для изложения этого вопроса недавно появившейся книжкой А. Жука «Українська кооперація в Галичині» (Киев; Львов. 1913).

ков питается от промышленности, у галицко-русского населения это отношение падает до 1,4 %, а земледелием занято (по статистике 1900 г.) 94,4 % его, тогда как торговлей – всего 0,4 %. В предшествующей главе я уже приводил данные землевладельческой статистики и относительной урожайности земли в Галиции. Все эти данные оказываются малоблагоприятными для населения. «Ко всему сказанному следует прибавить, – говорит А. Жук, – что земля галицкого хлебопашца сильно раздроблена и отягощена долгами. Долги с каждым годом возрастают, и рост этот во всяком случае непропорционально велик по сравнению с ростом урожайности. За последние десять лет, с 1901 по 1910 г., ипотечная задолженность крестьянской собственности поднялась больше чем вдвое, с 291 263 061 кроны до 629 476 605 крон. Однако ипотечными долгами не исчерпываются долги крестьян-хлебопашцев. В Галиции еще и теперь не исчезло ростовщичество, и личные долговые обязательства крестьян, наверное, составляют не меньшую сумму, нежели ипотечные. Страшно разоряет галицкого земледельца также лихва товарная – при продаже продуктов сельского хозяйства и закупке предметов, необходимых в хозяйстве. Если еще прибавить, что Галиция представляет типичный край безграмотности, то этот штрих прибавит еще больше выразительности печальной картине экономических отношений в стране». Причину этого грустного явления украинская публицистика (см. статью Сид. Кузика «Задолжене сельської посилості в Галичині». Дело. 1911. № 199) видит прежде всего в низком уровне земледелия, и именно на подъеме этого последнего должна сосредоточиться работа государства и общества. «Если же сельское хозяйство не будет себя окупать, если хозяин не будет получать от земли дохода, на который он мог бы жить, а, напротив, должен будет для своего существования еще приплачивать на хозяйство и таким образом все глубже залезать в долги, сам он и его земля, то упадок крестьянского сословия станет неизбежным, и его не удержат даже самые лучшие законы о кредите».

Кооперативное движение и ставило своей целью помощь крестьянству в его трудной борьбе за существование. По сравнению с другими народами Австрии украинцы в этом отношении несколько отстают, так как в процентном отношении к населению страны нигде количество кооперативов не оказывается столь низким, как в Галицкой Руси, где на 3308 тыс. человек приходится всего 1117 кооперативов. Из 3788 кооперативов в Галиции, зарегистрированных в 1911 г., русскому населению принадлежит, таким образом, всего 29,5 %, польскому – 65,8 % и немецкому – 4,7 %. Правда, к числу польских отнесены и еврейские кооперативы (числом до 1000).

Кроме того, по утверждению А. Жука, «большая часть кооперативов, зарегистрированных на польском языке (польских и еврейских), с местом управления в Восточной Галиции (а их здесь около 2000) состоит в значительной части, а иногда и в большинстве своем из украинского сельского населения. Но это не лишает названных кооперативов польского или еврейского характера, ибо при темноте, незнакомстве со своими правами и пассивности массы членов вопрос о национальности этих кооперативов решает не масса членов, но единицы и группы, которые основали эти кооперативы и стоят во главе их. Большая часть галицких кооперативов объединена в 7 ревизионных союзах, в том числе в Патронате для земледельческих кружков при земской комиссии. Во всей Австрии было в 1911 г. 92 союза, из этого числа в Галиции 21, но между этими последними было 14 союзов специальных, а не ревизионных. Патронат насчитывал в 1911 году 1378 кооперативов, украинский местный (ревизионный) союз во Львове – 511, польский *Zwiazek stowarzyszen zarobkowych i gospodarczych* во Львове – 278 кооперативов (в 1910 г.), еврейский *Powszechny Zwiazek na własnej pomocy opartych galicyjskich stowarzyszen zarobkowych i gospodarczych* во Львове – 464 кооператива (в 1910 г.); остальные же кооперативы принадлежали к другим союзам или вообще стояли вне всяких союзов... Украинских кооперативов, т. е. зарегистрированных на украинском языке, было в 1911 году 1117. Из них принадлежало к национальному кооперативному союзу 495 (Областной ревизионный союз в Львове), и около 120 кооперативов было заявлено, но еще не принято в члены союза. Около 400 украинских кооперативов входило в патронат, а остальные стояли вне национальных и областных кооперативных союзов». В 3788 галицийских кооперативах общее число членов составляло (в кредитных обществах) в 1911 г. 1 253 809, которые обладали в виде паев имуществом в 82 302 969 крон, а общая задолженность членов составляла огромную сумму в 601 милл. крон. Кооперативы некредитные, всего 486 (на общее число 3788), имели в общей сложности 52 333 члена с паевым капиталом в 9 милл. крон. На галицко-русское население приходится, вероятно, около третьей части указанных чисел.

Сельскохозяйственное общество «Сельский господарь» было основано в 1898 г. в местечке Олеське Золочевского уезда, и здесь оно просуществовало до 1905 года как местное общество, ставящее своей целью подъем земледелия и особенно плодоводства в окрестностях. В 1905 г. правление общества было перенесено во Львов, деятельность его распространена на всю Восточную Галицию, а в Олеське оставлено филиальное отделение. До 1909 г. общество

развивалось медленно, и только украинская сельскохозяйственная выставка в Стрые в 1909 г. дала толчок его развитию. Был разработан новый устав, во главе общества стали новые лица, наконец, от правительства была получена субсидия, которая в законодательном порядке была гарантирована на девять лет по 133 333 крон ежегодно. Благодаря энергии лиц, ставших во главе «Господаря», общество разрослось в несколько лет в весьма крупную величину. В конце 1912 года оно насчитывало уже 90 филиальных отделений, 1151 кружок и 26 612 членов. Все, что относится к подъему сельскохозяйственной промышленности, т. е. распространение специальных знаний, устройство съездов, выставок, образцовых хозяйств, проведение в законодательных учреждениях необходимых мер, посредничество в приобретении земли и сельскохозяйственных машин и т. д., – все это входит в круг деятельности «Сельского господаря», который пользуется поддержкой как Министерства земледелия, так и исполнительной сеймовой комиссии (Видил краевий, Wydział krajowy, Landesauschuss). Главный совет общества сообщает свои соображения по вопросам аграрной политики и законодательства, имеет своих представителей в различных местных и государственных органах управления. Одной из главнейших задач его является, как уже упомянуто, распространение сельскохозяйственного образования в населении, и для достижения этой цели общество устраивает систематические курсы, съезды, выставки. О размерах этой деятельности общества могут свидетельствовать цифры: именно в 1911 г. лекции устраивались в 733 местностях, и 1154 лекции посетили 53 865 слушателей, в 1912 г. было лекций меньше (1095), но слушателей больше – 64 тыс. «В лекциях первое место занимают темы организационно-агитационные, о значении сельскохозяйственной организации, а сверх того, лекции по скотоводству и обработке земли» (Жук. 24). Кроме устной пропаганды своих идей, общество широко пользуется и печатью, издавая еженедельный журнал «Господарська часопись» и различные брошюры, распространяя даром по филиальным отделениям чужие издания и учреждая библиотеки. Далее, весьма интенсивно общество работает над созданием образцовых полей, которых устроено в два года (1911–1912) до 15 тыс. на разнообразных почвах и с различными формами сельского хозяйства. В области организации сельскохозяйственной торговли общество проявило не менее интенсивную деятельность, создав ряд кооперативов по сбыту продуктов земледелия и скотоводства. Трудно, однако, решить, сколько в деятельности этого общества посвящалось просвещению и экономическому подъему народной массы, и сколько здесь было политики («организационно-агитаци-

онной» деятельности), направленной все на те же цели: на борьбу с поляками и «москалефилами» и на пропаганду украинских партий. Самая же народная масса все больше беднела и запутывалась в неплатные долги; галицийский крестьянин фактически все больше становился крепостным помещика, чаще всего еврея и реже поляка.

Учреждением, ведающим правильное развитие кооперативов, является «Областный ревизионный союз» (Краевый союз ревизионный). Возникновение его объяснялось стремлением ускорить медленный темп учреждения кооперативов в Галицкой Руси. По сообщению А. Жука, «история зарегистрированных украинских кооперативов и вместе с тем история национального кооперативного движения как массового явления, специально же история кредитной кооперации начинается с 1894 г. В этом году благодаря усилиям д-ра Т. Кармоша возникло в Перемышле общество взаимного кредита “Вера”, и за этим примером пошли другие места. Но без центрального учреждения, которое заботилось бы о кооперативах и доставляло им кредит, начавшееся движение обнаруживало довольно слабое развитие. Ввиду этого и был основан в 1898 г. Областной ревизионный союз, который взял на себя задачу приходить на помощь при основании кооперативов, заботиться о них и доставлять им кредит». В первый же год возникновения союза в него вступило 17 кооперативов. В конце 1904 г. в ведении союза состояло 84 кооператива, в конце 1912 года – уже 557, причем развитие дела обнаруживает бросающуюся в глаза равномерность и последовательность: очевидно, дело развивалось вполне нормально в связи с растущей потребностью в кооперативной организации. В 1909 году союз выработал новый устав, который определяет цели его следующим образом: производство ревизии в кооперативах и их союзных объединениях, представительство и защита интересов кооперативов перед властями и законодательными учреждениями, создание новых кооперативов, приобретение для них кредита и т. п. Одним словом, все, что относится к области внутреннего делопроизводства и внешних сношений кооперативов, все, что может содействовать развитию интереса к ним в обществе и ознакомления его с кооперативным делом, входит в круг задач союза. Для объединения кооперативов по специальностям существуют союзы частные: «Краевый союз кредитовый» для обществ взаимного кредита, «Народна торговля» для потребительных и торговых кооперативов, а также союзы для продажи скота, для сбыта молочных продуктов, для покупки и продажи продуктов сельского хозяйства, машин и т. п. Специальные кооперативы, число которых составляло в 1911 году 511, разделяются на несколько групп. На первом месте стоят сельскохозяйственные (477), из кото-

рых большинство преследовало кредитные цели. Вообще же, на 511 кооперативов со специальными задачами 320 являются обществами взаимного кредита, что указывает на громадную потребность населения в доступном кредите. Среди кооперативов мы находим самые разнообразные: это не только потребительные товарищества, но и общества кровельные, арендаторские, домостроительные. Совсем одиноко стоит среди кооперативов парцелляционный: единственное учреждение среди 578 кооперативов, упомянутых в отчете. Очевидно, задача подъема сельского хозяйства, использования той земли, которая уже есть, стоит на первом плане. Это совсем иные отношения, чем в Познани.

Среди украинских кредитных учреждений, на которых я не стану останавливаться более подробно, первое место занимают общество взаимного кредита «Днистер» (Днестр), основанное во Львове в 1895 году и имевшее в конце 1912 года 5968 членов, и «Кредитный союз» как центральный орган кредитных обществ, уделяющий им на льготных условиях необходимый кредит. Сумма этого последнего составляла в 1912 году свыше 3 милл. крон. Необходимо упомянуть о сберегательных кассах (Українська шадниця, имевшая капитал в конце 1912 г. почти в 6 милл. крон), об Ипотечном банке, уделяющем ссуды, главным образом, мелкой земельной собственности. Наконец, вне Ревизионного союза под непосредственным наблюдением местной сеймовой комиссии находится еще свыше 400 украинских кредитных обществ. Таким образом, общее число всех кредитных учреждений, обслуживающих галицко-русское население, достигает, по вычислению А. Жука, 1011. Быть может, эти учреждения помогут крестьянству Галиции выбраться из цепких лап ростовщиков, опутавших его, его бедный скарб и плохо возделанную землю его.

Для борьбы с дороговизной и недобросовестностью торговцев было учреждено уже в конце 1883 года общество «Народная торговля», которое начало свое существование чрезвычайно скромно, с «капиталом» всего в 648 гульденов (т. е. около 500 р.), но стало развиваться очень быстро. На юбилейном торжестве «Народной торговли» (8 дек. 1908 г.) директор Нагорный, служивший обществу с самого его основания, произнес прекрасную речь¹³, в которой охарактеризовал постепенный упадок былой местной торговли вследствие западноевропейской конкуренции. Прежде торговлю фруктами и сладостями вел «синеvodский бойко», теперь и он все реже появляется на свет; «его выпирает купец новомодный, купец западного края, перед которым консервативное купечество должно отступить. Иначе и не может быть в таком крае, какой населяют наши народ-

¹³ Двадцатипятилетний юбилей народной торговли. 1883–1908.

ные массы, в краю, где, кроме небольшого количества хлеба, ничто не производится, в краю потребителей. Правда, кроме хлеба, наша земля дает и иные продукты, как, напр., соль, нефть, а леса наши дают громадное количество всяких древесных материалов. Однако все это производство не в наших руках; выгоды его текут в чужие карманы, а наш народ остается при всем этом производстве грубой рабочей силой. В последние годы, особенно после основания Народной торговли, и пробудился интерес к купеческому, или, вернее, к лавочному делу, и притом до такой степени, что и в политических, и в экономических, и в просветительных заседаниях и совещаниях постоянно заходит речь про лавки (про крамарство), и каждый думает, что он приведет народ к полному благосостоянию. Однако, на мой взгляд, это не есть единственное средство, которое действительно может улучшить материальный быт народа, но представляет только маленькую частицу этих средств». Гораздо важнее создать собственную производительность, и общество «Народной торговли», являясь посредником между потребителем и производителем, содействует этой цели.

С 1885 г. «Народная торговля» стала быстро развиваться. Ее склады и магазины возникали в целом ряде городов Восточной Галиции; она превратилась в центральное учреждение украинской торговли, которое оказывало поддержку и частной торговле, и различным торговым кооперативам, возбуждало торговую инициативу и т. п., а с 1908 г. сделалось союзом зарегистрированных потребительных обществ. Если иметь в виду вышеуказанное значение этого учреждения (Жук. 45–46), то все же приходится признать его развитие довольно слабым. Именно, в 1911–12 гг. «Народная торговля» имела 1257 членов, поддерживала 831 торговое предприятие и насчитывала среди своих членов 47 потребительных обществ (в июне 1913 г. уже 97). Как видно из отчета общества, эти торговые предприятия представляли весьма незначительные торговые величины: именно все 831 лавки приобрели в складах «Народной торговли» товаров на сумму 919 тыс. крон, что дает в среднем на одну лавку около 1100 крон (немногим больше 400 р.). Чистая прибыль общества составила в 1911–12 гг. всего 10 тыс. руб. (25 931 кр.). Как мне кажется, это свидетельствует о том, что развить украинскую торговлю – дело очень нелегкое. Потребуется еще много усилий в этом направлении, чтобы укрепить торговые предприятия при той конкуренции, которую им приходится выдерживать, главным образом, со стороны еврейских коммерческих кругов. Ведь в Восточной Галиции так же, как и в Западной, торговля по преимуществу сосредоточена в еврейских руках.

При задолженности крестьянина учреждения «Народной торговли» принуждены были бы открывать ему и со своей стороны кредит, но, так как для начинающего предприятия, каким все еще является «Народная торговля», такой кредит просто не под силу, то оно кредитует учреждения. В этом отношении очень характерно следующее указание украинского экономиста: «Среди клиентелы “Народной торговли” видное место занимают различные украинские просветительные и гуманитарные учреждения, каковы бурсы, школы, приюты и проч. “Народная торговля” не только кредитует эти учреждения, давая им возможность существования, но часто и списывает со своих счетов их долги, приходя, таким образом, на помощь этим учреждениям». Общая галицийская бедность и задолженность висят постоянной угрозой над самим существованием «Народной торговли», которая, как видно из вышеизложенного, играет видную и полезную роль и в общекультурном развитии страны. И то же самое тяготеет над развитием потребительных обществ, число которых совершенно ничтожно. Так, 37 потребительных обществ, существовавших в 1911 году, насчитывали 3488 членов (по 94 на общество) и обладали капиталом в 63 443 кроны (ок. 685 руб. на общество); общий их торговый оборот равнялся 1 442 769 крон, т. е. в среднем на каждое потребительное общество около 39 тыс. крон, или 15 600 руб.

Так как Галиция – страна по преимуществу сельского хозяйства, то учреждения, содействующие развитию этого последнего, должны иметь здесь особенно важное значение. Из кооперативов, обслуживающих сельское хозяйство, А. Жук в своей книге останавливается более подробно на трех группах. Во-первых, это кооперации по маслоделанию (молочарські спілки), возникновение которых относится к 1901 г., а организация в «Краэвий союз господарськомолочарский в Стрию» – в 1907 г. В 1911 г. имелся 81 такой маслодельный кооператив, который скупил у своих членов молока на 537 665 крон и выработал 250 тыс. килогр. масла. Кроме этих кооперативов, объединенных в союз, имеется еще несколько десятков таких же кооперативов, находящихся под покровительством комиссии сейма. По-видимому, эта отрасль сельскохозяйственной промышленности Галиции развивается, так что в 1912 г. союз выстроил во Львове собственный дом. Задумано устройство специального училища, на которое правительство обещает выдать субсидию. Быть может, молочное хозяйство поднимет разведение рогатого скота. Как показывает статистика, количество его в Галиции сильно падает.

Зато возрастает с большой быстротой свиноводство (цифры см. выше), которое доставляет галицийском вывозу одну из важнейших отраслей сбыта. И вот для организации этого дела общество «Сель-

ский господарь» стало учреждать кооперативы для продажи свиней. Первый транспорт их был отправлен в Вену в ноябре 1910 г., и в Вене за этот товар было заплачено гораздо дороже, чем на месте. Такой успех заинтересовал и других предпринимателей, и начали быстро возникать одно за другим общества для продажи свиней, так что в конце 1911 г. их имелось уже 62. «В 1912 году рост этих обществ приостановился, основалось всего несколько новых, так как общества для сбыта скота должны охватывать обширный район, обнимающий десятки деревень, чтобы иметь много скота и часто высылать его на продажу; ведь только в этом случае могут покрыться расходы по ведению дела». В 1911 г. организовался и для этой цели специальный союз (Союз для збуту худоби) во Львове, где в 1912 г. была учреждена союзом колбасная фабрика. Свиноводство на грунте Вост. Галиции, несомненно, имеет будущее, и это прибыльнейшее дело может оказать могущественную поддержку крестьянскому хозяйству. В конце 1912 г. союз насчитывал 83 члена, в том числе 71 кооператив, которые (кооперативы) выставили на рынок до 73 тыс. свиней, 833 овцы и прочий скот (всего 73 607 штук) на сумму свыше 6 милл. крон. Далее следует упомянуть об «Областном союзе сельскохозяйственно-торговых обществ» (Краэвий союз господарсько-торговельних спілок), который возник в 1911 г. для целей приобретения и сбыта продуктов сельского хозяйства, машин, искусственных навозов и т. д. В конце 1912 г. союз имел 481 члена, в том числе 66 кооперативов и обществ. Процесс возникновения и развития кооперативов продолжался среди русского населения Вост. Галиции с известной интенсивностью. Вообще, среди украинцев Галиции обнаруживалось стремление к подъему национальной жизни. Сельскохозяйственная выставка в Стрые в 1909 г. привлекла большое внимание экономистов как показатель украинской сельскохозяйственной промышленности.

Известную энергию украинцы проявили и в организации народного просвещения. Главным организатором их на этом поприще явилось общество «Просвита», основанное в 1868 году¹⁴. Мысль учреждения его вышла из кругов молодых русских деятелей, недовольных тем направлением, которое сразу после своего возникновения приняла «Матица». В янв. 1868 г. в газете «Слово» появилась статья одного из вождей этих «молодых» свящ. Квачалы, который поднял мысль об учреждении общества, имеющего целью «содей-

---

¹⁴ М. Лозинський. Сорок літ діяльності «Просвіти». Львов. 1908. Общество издает ежегодные отчеты («Звіст») и календари, в которых, в отделе «Наші товариства і інституції», можно найти подробный список украинских культурных и других обществ.

ствовать народному просвещению в направлениях нравственном, материальном и политическом с помощью издания практических книжек, брошюр и т. д. на том языке, на каком говорит народ». Эта мысль была подхвачена, составился комитет для разработки ее, и, наконец, был выработан устав общества «Просвещения», которое сошло на первое собрание 8 дек. 1868 г. Мало-помалу к числу чисто просветительных задач стали присоединяться под влиянием требований жизни и задачи экономические, как, напр., учреждение различных кооперативов. Потребовалось изменить устав, и по новому уставу 1891 г. целью «Просвиты» признается «просвещение и подъем благосостояния русского народа» (русского народу). Перед этим уже в 1876 г. устав был изменен в духе его демократизации; члены платили в год всего 2 кроны, за которые получали даром издания «Просвиты». С этого времени количество членов в обществе стало быстро возрастать, так что в юбилейный 1908 год оно насчитывало уже свыше 23 тыс. членов и имело 47 провинциальных отделений. Кроме издания общедоступных книжек, «Просвита» создала громадную сеть народных читален, число которых уже в 1908 г. превышало 200. Наконец, в 1912 г. устав «Просвиты» опять подвергся изменению в духе удовлетворения всевозможных экономических, просветительных и национальных требований украинского народа в Галиции. Учреждения этого общества продолжали возрастать, его материальные средства достигли весьма внушительных размеров, так что баланс общества на 1912 г. превышал уже 471 тыс. крон. В 1913 г. головная управа (главное управление) общества устроила по датскому образцу высшие и общедоступные курсы, нечто вроде народного университета. Таким образом, наряду с широкой помощью народным массам в области экономической, украинские деятели удаляли внимание и подъему их культурного уровня.

Высшим украинским ученым учреждением является «Наукове товариство имени Т. Шевченко», основанное в 1873 году для ведения типографии и развития украинского литературного движения. До 1885 г. это общество развивалось очень медленно, и его содействие украинской литературе было почти платоническим. Издание литературного журнала «Заря», который «Товариство» начало в этом 1885 году, изменило положение вещей. По словам А.С. Грушевского, этот журнал объединил около себя литераторов не только Галиции, но и России. За отсутствием украинских журналов в России и при невозможности создать таковой украинские литераторы часто посылали сюда свои произведения. На страницах этого журнала появлялись все те новости и рассказы, которые не могли появиться в России по своему общественно-национальному содержанию. «Заря» дава-

ла им приют и таким образом являлась общеукраинским литературным изданием, как и «Товариство» являлось общеукраинским литературным обществом. С 1892 г. «Товариство» превратилось в ученое общество с тремя отделениями (филологическим, историко-философским и математическо-естественно-медицинским). Общество стало развивать энергичную научную деятельность; бюджет его ученых изданий возрос с 9 тыс. крон в 1895 г. до 40 тыс. в 1908 г.; при обществе возник ряд специальных комиссий (археографическая, библиографическая, этнографическая и др.).

«Наукове товариство» подготовило кадры ученых специалистов для замещения кафедр в будущем украинском университете. Что касается украинской средней школы в Галиции, то, по данным 1910 года, украинские гимназии имелись в Коломые, Львове, Перемышле, Станиславове и Тарнополе, кроме того, существовали частные украинские мужские гимназии в Яворове, Рогатине, Городенце и Копичинцах. Кроме мужских, существовали и женские среднеучебные заведения с украинским языком преподавания, но это были только частные школы, содержимые обществами и отдельными лицами, но не пользовавшиеся поддержкой со стороны правительства. Впрочем, вообще в Австрии количество казенных женских гимназий и других учебных заведений несоразмерно мало по сравнению с мужскими. В области среднего образования украинцы делали новые приобретения с той же настойчивостью, как и в области высшего. Так, после напряженной борьбы в сейме они добились 1 марта 1914 г. (нов. ст.) того, что правительство приняло на средства казны частные мужские гимназии в Черткове, Яворове и Рогатине, а также обязалось открыть еще несколько украинских школ в разных местностях Вост. Галиции. Заканчивая этот обзор украинской и русской жизни в Галиции, следует признать, что украинцы обнаруживали большой запас энергии, стремясь обеспечить своему народу полную культурную независимость от Польши.

В Буковине¹⁵ состав населения, по переписи 1910 г., представляет следующие национальные отношения: 305 101 чел. принадлежит к

---

¹⁵ О русских в Буковине см. K. Kaindl und A. Manastyrski. Die Rutenen in der Bukowina. I-II. Theil. 1889–1890. В. Доманицкий. Про Буковину та життя буковинских украинцев. 1910. Гр. А. Воскресенский. Православные славяне в Австро-Венгрии. 1914. К. Fr. Kaindl. Geschichte der Deutschen in der Karpathenländern. III. Band. 1911. Данные, извлеченные из новейшей буковинской официальной статистики, см. в статье М. Кордубы (Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1910, кн. VI). Кроме того, см. библиографические указания в книге Л. Нидерле «Обозрение современного славянства». 1909, стр. 40.

русскому племени, 273 254 – к румынскому, и эти две народности представляют преобладающую массу в населении страны. Затем следуют немцы (168 851 чел.), поляки (36 210), мадьяры (10 391) и т. д. Евреи, которых в Буковине много, причисляются к одной из указанных наций. Если обратиться к статистическим данным за несколько десятков лет, то наибольший прирост обнаруживают немцы. Так, в 1851 г. в Буковине насчитывалось русинов и гуцулов 142 682, румын 184 718, немцев же всего 25 592 чел. (и 11 856 евреев). Через двадцать лет, к 1 янв. 1870 г., число русинов поднялось до 186 тыс., румын – до 207 тыс., немцев – до 47 тыс. и евреев – также до 47 тыс. Поляков было в 1851 г. 4 тыс., в 1870 г. – 5 тыс., что указывает на весьма слабый прирост их в истекшее двадцатилетие. После этого, в 1880 г., мы находим нормальное увеличение числа русинов (свыше 239,5 тыс.), уменьшение числа румын (всего до 190 тыс.) и прирост немцев, объясняющийся тем, что евреи и немцы были отнесены на основании языкового принципа к одной группе. Наконец, в 1890 г. русинов было уже 268 тыс., румын – 208 тыс., евреев и немцев – 133 тыс., поляков – 23,6 тыс. человек. Из этих данных явствует, что русины развиваются численно с полной непрерывностью. Отождествлять это буковинско-русское население с украинцами Галиции не представляется возможным уже потому, что такой важный фактор национального самоопределения, как религиозное исповедание, здесь говорит против такого отождествления: буковинские русины – православные, так же, как и румыны. По утверждению В. Доманицкого, хотя «теперь выходит так, что, напр., гуцул с левой стороны Черемоша или “з Лядського”, как там говорят (т. е. из Галиции или буквально – с Ляшской стороны) – униатской веры, а те же самые гуцулы по другую сторону речки (з Волоського боку), в Буковине – православные; однако разница между православной и униатской верой так невелика, что люди ее даже совсем не знают». В последнем можно усомниться уже потому, что духовенство Буковины подчинено Далматинско-Буковинской митрополии, и что богослужение униатское довольно значительно отличается от православного. В глазах православного населения униаты представляются скорее католиками, чем православными. Различна и историческая судьба русинов Буковины, которые были подчинены Молдавии, а теперь также входят в состав отдельной автономной области и должны вести борьбу за свое национальное существование не с поляками, но с румынами и немцами. Таким образом, обстоятельства здесь складывались благоприятно для проникновения в Северную и Западную Буковину, населенную русинами (русскими), русского влияния, но над этим здесь работали так же мало, как и в Галиции, и результаты получа-

лись те же самые: русское население быстро украинизировалось. Высшее духовенство стояло обычно на точке зрения румынизации русского населения; в среде же русско-буковинской интеллигенции проявлялось слишком мало энергии и инициативы. В 1875 г. в столице Буковины, Черновцах, был основан университет с «греко-восточным богословским факультетом», но и этот факультет не сделался рассадником русского национального просвещения, но превратился в один из центров румынской образованности. Русины почти не поступали на этот факультет, так как имели мало шансов получить после окончания своего богословского образования хороший приход. «Затем, – по словам проф. Воскресенского, – немало виновата и новейшая антиклерикальная образовательно-воспитательная система, а также до некоторой степени имеет силу и влияние украинифильской социалистической партии на школьную молодежь, которая еще до поступления в университет тенденциозно проникается идеями нерасположения к церкви и духовенству... К сожалению, русских буковинцев, в частности принадлежащих к народной старорусской партии, неохотно принимают в университет, тогда как так называемые русские украиноманы¹⁶ находят туда свободный доступ». Орган русского населения «Православная Буковина» горько сетует на инертность русской интеллигенции в Буковине. «У буковинской русской интеллигенции, – жалуется этот журнал, – нет охоты жертвовать на общее дело. Можно бы взять себе в пример многих румынских священников, которые стараются высылать ежегодно известное число детей из своего села в школу». В то же время украинские учреждения, бурсы и т. п. пользовались полным сочувствием правительства. Особенно тяжелым преследованиям русины Буковины подверглись в 1900 г., когда созданные с большим трудом их учреждения (Русско-православный народный дом с общежитием для гимназистов, такое же общежитие в Серете, Общество русских женщин, общество студентов «Карпат») были закрыты по обвинению в русофильской пропаганде. Процессы против деятелей, обвиняемых в сношениях с Россией, продолжались, и в 1914 году разыгрался один из самых значительных. Украинцы с каждым годом усиливались в Буковине. Главным проводником украинского движения явился здесь с 1885 г. профессор Черновицкого университета по кафедре русского языка Смаль-Стоцкий. С 1895 г. введен и в Буковине фонетический украинский алфавит. Постепенно создавалась в Буковине украинская литература (Федькович, Воробкевич, Ольга Кобылянская и др.). В 1885 г. возникла первая политическая украин-

---

¹⁶ Под этим названием автор подразумевает молодежь, признающую себя украинцами.

ская газета «Буковина». Просветительное общество «Руска беседа», основанное в 1869 г., стало развивать энергичную деятельность только с 1885 г., когда его взяли в свои руки патриоты-украинцы – Смаль-Стоцкий и др. Они же организовали и первое крестьянское кредитное учреждение – «Селянську касу» в Черновцах. Это общество возникло в 1903 году, объединило 150 сберегательных касс по типу Райфайзена, несколько потребительных магазинов и т. д. Его обороты составляли уже в 1907 г. 14 мил. руб. Однако в конце концов дело не пошло. В начале 1914 г. пришлось уже ликвидировать дела «Селянской кассы», и эта ликвидация равнялась полному краху (см. газ. «Рада», 23 февр. 1914 г.). Вообще, для оптимизма в Буковине мало почвы. Среди населения все еще господствует безграмотность: так, по данным официальной статистики, в 1900 г. на 100 человек русских в Буковине грамотных приходилось всего 20,4. Упадок русских выражается в последнее время и в уменьшении плодovitости среди них (в противоположность немцам и румынами). Количество рогатого скота обнаруживает такие же отношения, как и в Галиции, т. е. уменьшается количество рогатого скота, но зато возрастает свиноводство. Промышленность в Буковине вообще развита слабо; промышленная статистика Австрии определяет, напр., ценность буковинского производства в горной промышленности за 1910 г. ничтожной суммой в 330 тыс. крон. Так же слабо здесь развита и торговля. Что касается землевладельческих отношений, то Буковина – страна по преимуществу крайне мелкой земельной собственности: именно на 109 170 хозяйств (1910) приходится здесь 61 850 хозяйств на пространстве меньше двух гектаров земли и 31 263 хозяйства на пространстве 2–5 гектаров. Следует прибавить к этому, что земля крайне задолжена. По вычислению буковинской статистики, годовой доход мелкой земельной собственности отягощен до высоты 99 % процентами и рентами, так что мелкие земельные собственники могут поддерживать свое существование только работками. Как сообщала украинская печать, в 1913/4 г. Буковина пережила тяжелый аграрный кризис: банкротство более крупных землевладельцев, спекуляция землей, при которой спекулянт, уплатив 10 % стоимости земли, мог получить имение и т. д. Чрезвычайно жалкое положение русского населения в Буковине открывает широкое поприще для деятельности элементов более культурных и предприимчивых. «Немецкая работа» в Буковине, по утверждению Р. Кайндля, ведется весьма успешно. Меньшая смертность детей в немецких семьях сравнительно с румынскими и русинскими создает «сравнительно быстрое нарастание немцев» (Kaindl 404). Немцы накапливают средства, скупают новые участки земли и т. д. Между тем

среди русинской интеллигенции идет ожесточенная борьба на почве принадлежности к украинству или «старорусской» партии, здесь создается благоприятнейшая среда для развития всяческого политиканства, и русины Буковины оставались в своем заброшенном и жалком состоянии, принуждаемые к массовой эмиграции. К этому следует прибавить, что языком преподавания в единственном буковинском университете в Черновцах (или Черновицах, как называется город по-польски и по-немецки) служит немецкий, что мужских среднеучебных заведений здесь было в 1910/11 уч. году всего 11, причем на русском (украинском) преподавание велось лишь в одном, а в остальных всецело или почти целиком господствовал немецкий язык. Получалась поразительная картина германизации страны, в которой немцы составляли весьма незначительное меньшинство. Этими способами буковинская интеллигенция германизировалась и отчуждалась от своей народности.

Печально и безнадежно было положение русского племени в Венгрии¹⁷. Хотя оно непосредственно граничит с массой русского населения в Галиции и Буковине, занимая несколько комитатов Венгрии в бассейне р. Тиссы, и хотя оно довольно многочисленно, оно оказывалось в национальном отношении совершенно бесправным. Главная территория угрорусов заключается в комитатах Мармарошском, Бережском, Ужском (Ужгород, мад. Унгвар является главным центром Угорской Руси), Шаришском, Землинском, Угочском и Спишском, где процент русского населения колеблется между 56 (maximum) и 7 (minimum) процентами, и где общую численность русских Томашевский определяет в 505 294 чел. (42,6 % всего населения), тогда как официальная мадьярская статистика – всего в 410 544 (или 28,72 % населения). Точно определить численность уг-

¹⁷ Старая литература об Угорской Руси приведена в статье проф. Вл. Францева «Обзор важнейших изучений Угорской Руси» (Русский филологич. вестник. 1901). Из новой литературы особенно важны работы Томашевского (С. Томашевский. Етнографічна карта Угорської Руси. Статті по славяноведенню. Издание Академии наук III. 1910) и Вл. Назарьева (Ол. Назарієв. Етнографічна територія угорських українців-русинів. Записки Наук. товар. імени Шевченка. 1911. Кн. 2). Обзор национальной жизни угрорусов в статье Е. Kolodziejczyk. Rus węgierska. Swiat Slowianski. 1911, № 74 и в издании Национального клуба «Наши зарубежные братья в борьбе за народность. Угорщина» (Отечественная библиотека. №11) 1911. По истории возрождения Угорской Руси см. статью проф. Францева «Из эпохи возрождения Угорской Руси» (Научно-литературный сборник Галицко-русской матицы за 1902 г., кн. 1). Весьма ценный фактический материал заключается в известном труде Сетон-Ватсона *Racial problems in Hungary* (чешск. пер. 1912).

рорусов не представляется возможным как по тенденции мадьярской политики уменьшать эту численность в статистических отчётах, так и потому, что не всегда можно установить границу между русскими и словаками в Венгрии и установить национальность этого пограничного населения. Кроме перечисленных комитатов, угрорусы живут большими или меньшими островами в других комитатах, прилегающих к главной территории угрорусов, и в других частях Венгрии, но здесь их численность незначительна, не доходя даже до 25 тыс. чел. (24 815 по Томашевскому). Нигде, таким образом, угрорусы не живут сплошной национальной массой, но в большинстве занимаемых ими комитатов они не составляют даже половины населения. Поляки, мадьяры, словаки, евреи перемешиваются здесь с русским племенем. При таких условиях добиваться национального признания, особенно при мадьярском режиме, угрорусским политическим вождям было чрезвычайно трудно. Известный Мармарошский процесс в начале 1914 года, закончившийся обвинением свящ. Кабалука в совращении угрорусов в православие и в политической агитации в пользу России, показал, с какой подозрительностью мадьярская власть относилась ко всякому проявлению национального сознания в этом племени. Угрорусы, как и галицко-русское население, – униаты и малороссы. Определиться как отдельный от русского (напр., как украинский) народ они не успели, да и не хотели. Слишком подавлена была здесь национальная жизнь, чтобы могла образоваться стойкая в национальном отношении интеллигенция.

Однако в тот короткий промежуток относительной национальной свободы, который был создан событиями 1848–49 годов, угрорусы решительно заявили о своей принадлежности к русскому народу. Как писал один из вождей угрорусского национального движения И. Раковский, «наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочей Русью. У нас, так сказать, никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка». Ту же мысль проводил в 1852 г. «Вестник для русинов Австрийской империи», и на этом же принципе была основана деятельность главного проводника национальной идеи в Угорской Руси А. И. Добрянского, который в 1849 г. был назначен губернатором четырех русских комитатов с центром в Ужгороде. Добрянский сумел объединить около себя людей, преданных народному делу; из них особенно видную роль играл свящ. Духнович, который издал на русском языке «Книжку для начинающих», выдержавшую ряд изданий и получившую широкое распространение в стране. Это движение в самых разнообразных формах разлилось по всей Угорской Руси и обеща-

ло принести обильные плоды. Но русское поражение в Крымской войне, пошатнув международный престиж России, не замедлило отразиться и на судьбах «зарубежных братьев». Однако еще в начале 60-х годов здесь были исполнены надежд на лучшее будущее, и предполагалось литературное слияние с Россией. К сожалению, и здесь повторилось то же, что в Галиции и Буковине: русского литературного языка не знали, и фактическая поддержка исходящего из страны ассимиляционного течения со стороны России была весьма слаба. Так, в 1864 г. Янович, один из ревностнейших сторонников объединения, писал следующее: «У нас и теперь кто пишет по-русски, приблизительно к великорусскому пишет; не испорчает корней слов. В том деле украинском писал госп. редактору (Гал.-рус. матицы) Дедицкому, чтоб они не пикетировал с Украиной; далее, чтобы не позволял раскол делать, корней испорчать, промишать буквы *ѣ*, *ы*, вместо относительного *ся* пишут *ця*! Ужас! Я писал г. Дедицкому, что это упрямство против России и языка русского, инспирированное поляками или фанатичными униатами; я знаю таких, что и в сообщении языка находят схизму и москальского духа». Это характернейшее письмо показывает, как трудно было бороться за единение. Создание австро-венгерского дуализма в 1867 г. вообще положило конец этой борьбе. Учреждения угрорусов, возникшие в годы свободы, «Общество св. Василия», газета «Свет», и т. д. должны были прекратить живую деятельность или и самое существование. Началась самая беззастенчивая мадьяризация, которую поддерживала и угрорусская интеллигенция, происходившая в большинстве из семей униатского духовенства. Из народных школ, где по закону 1868 г. языком преподавания был русский, он все больше изгонялся. К этому присоединялось чрезвычайное экономическое истощение угрорусского крестьянства, которое отягощено долгами, подвергалось изгнанию из своей земли и трактовалось вообще бесчеловечно. По поводу обращения чиновников-мадьяров к русскому крестьянину в форме «Ты, русская собака» был даже сделан запрос в венгерском парламенте. Естественно, что русины-крестьяне утрачивали свою национальность в пользу словаков, поддерживаемых чехами, а высшие классы мадьяризовались, переходя в лагерь победителей. За тридцать лет (1870–1900) угрорусы потеряли для своей национальности 213 общин (176 уступив словакам).

Источник: Погодин А.Л. Русское племя в Австро-Венгрии. Галиция. Буковина. Венгрия // Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. С. 169–197.

Source: Pogodin, A.L. (1915) The Russian Tribe in Austria-Hungary. Galicia. Bukovina. Hungary // Slavyanskiy mir. Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie slavyanskikh narodov pered voynoy 1914 g. [Slavic World. Political and Economic Position of the Slavic Peoples Before the War of 1914]. Moscow: tip. t-va I.D. Sytina. pp. 169–197.

Погодин Александр Львович (1872–1947) – русский историк, филолог-славист. Закончил Санкт-Петербургский университет, работал учителем истории в 6-й Санкт-Петербургской гимназии. Магистр (1901 г.), доктор славянской филологии (1904 г.), профессор Варшавского университета (1902–1908), Харьковского университета (1910–1919), Белградского университета (1939–1941). Эмигрировал во время гражданской войны (1919). Одним из первых в России занялся изучением истории и этнографии гуцулов.

Alexander Lvovich Pogodin (1872–1947) was a Russian historian, philologist, Slavist. He graduated from St. Petersburg University, then was a history teacher in the 6th Gymnasium of St. Petersburg. He was Master of Arts (1901); doctor of Slavic Philology (1904), professor of the University of Warsaw (1902–1908), of the University of Kharkiv (1910–1919), of the University of Belgrade (1939–1941), Russian emigrant of the Civil War (1919). He was one of the first Russian researchers of the history and ethnography of the Hutsuls.

Славянские земли в Австро-Венгрии // Погудин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915.